

Философско-правовые идеи в творчестве Ф.Ницше

Туда, где кончается государство, — туда смотрите, братья мои! Разве вы не видите радугу и мосты, ведущие к сверхчеловеку?

Ф.Ницше «Так говорил Заратустра».

Рассматривая историю с точки зрения генеалогической¹, Ницше занимается поиском констант, которые были однажды спродуцированы «властью» или «игрой сил», а затем столь глубоко укоренились в мышлении и поведении, что обрели вторую жизнь, субстанциализировались и с тех пор неусыпно охраняются традицией. Генеалогическое прояснение обращается к моменту образования культурных констант (будь то в области этики, исторического или правового самосознания), к «первотворению» и снимает с них налет сакральности и вековых интерпретаций: вначале вскрывается смысл психологический (лежащий на поверхности), а затем смысл философский или метафизический, отсылающий к «воле к власти» и всем тем противоборствующим силам, которые составляют ее содержание.

Право рассматривается Ницше в двух аспектах — как форма культуры, которая, наряду с религией, несет ответственность за появление и постепенное закрепление «противоестественной морали» (отрицательное значение), и как естественная и необходимая основа человеческого общежития, социального бытия человека (позитивное значение).

Что касается содержательной стороны вопроса — определения понятия «права», — взгляды Ницше вполне соответствуют общеизвестным, однако имеют свою специфику, понимание которой, на мой взгляд, является крайне важным. Как пишет Ницше в «Человеческом, слишком человеческом»: *«Без договора нет права»*. Договор, обязательство — основа существования гражданских правоотношений. В естественно-правовой теории

такой договор выступает в качестве частного проявления общественного соглашения или договора, породившего государство как таковое. В социальной философии Ницше данная схема переворачивается: образование государства предстает в виде исторического процесса, в основе которого лежит неизменная элементарная форма — гражданско-правовой договор. Соотношение ценностей и права, в полном согласии с ницшеанской метафизикой «воли к власти», оказывается за пределами проблемы «право и нравственность»².

Древние римляне связывали существо права со словом *vinculum*, которое означало «узы» или, позднее, «обязательство». Согласно Ницше, право рождается там, где человек оказывается способным связать себя обещанием или обязательством. Для этого необходима «память воли», поскольку отныне человек учится распоряжаться не только своим настоящим, но и своим будущим. Гарантировать же будущее можно лишь в том случае, если человек сумеет рационализировать свое прошлое. «Чем хуже обстояло «с памятью» человечества, тем страшнее выглядели всегда его обычаи; суровость карающих законов, в частности, является масштабом того, сколько понадобилось усилий, чтобы одержать верх над забывчивостью и сохранить в памяти этих мимолетных рабов аффекта и вождения несколько примитивных требований социального сожительства»³.

Появление общеизвестных категорий морали Ницше непосредственно связывает с развитием права, что полностью согласуется с его отказом принять мораль как нечто самодостаточное, существующее автономно и в неизменном виде. Так, понятие «вины» (*Schuld*) произошло от материального понятия «долги» (*Schulden*). В древнейшие времена действовала не формула вина — наказание, а более примитивная формула ущерб-возмещение (возмездие). Простейшая норма современного права, требующая в императивном порядке возмещения нанесенного ущерба, является результатом длинной эволюции. Вначале, как гораздо более естественная, воспринималась «идея эквивалентности ущерба и боли»⁴. При несостоятельности должника компенсация состояла в праве на жестокость, которым, в полном соответствии с законом, наделялся кредитор⁵. «В этой сфере, стало быть, в долговом праве, таится рассадник мира моральных понятий «вина», «совесть», «долг», «священность долга» — корни его, как и корни всего великого на земле, изобильно и долгое время орошались кровью»⁶.

Итак, не право рождается из морали, а наоборот, *право* — как неизбежное для социума установление, вырывающее его жизнь из хаоса, — *порождает мораль*. Здесь необходимо следующее уточнение: Ницше имеет в виду те из нравственных правил, которые хотя и отсылают к внутренней работе мыслей и чувств, в действительности предписаны и санкционированы государством⁷.

Значение права у Ницше не ограничивается областью морали: *право стоит не только у истоков морали, но также определяет первоначальные отношения внутри социума*. Отношение заимодавца к своим должникам является, согласно Ницше, прототипом отношения общины к своим членам. «Купля и продажа, со всем их психологическим инвентарем, превосходят по возрасту даже зачатки каких-либо общественных форм организации и связей...»⁸. Но далее происходит известная «силовая» метаморфоза: чем сильнее становится община, тем менее жестким и жестоким становится налагаемое ею наказание. На примере уголовного права Ницше отмечает тенденцию «изолировать друг от друга преступника и его деяние»⁹. Милость власти и, соответственно, безнаказанность провинившегося призваны продемонстрировать преимущество сильнейшего.

Но как же быть с тезисом Ницше о том, что за всем происходящим следует видеть «игры» воли к власти? Его философия права, хотя и лишенная завершенности, свидетельствует о том, что универсальный метафизический принцип может и должен быть применен ко всей конкретике жизни, в которую неизбежно вовлечен всякий индивид. Напомню, что Ницше рассматривает не только наличие и отсутствие воли, силу и слабость, волю к власти и волю к Ничто, где во главе и одновременно на дне иерархии оказывается ничто воли, абсолютная пассивность. Более плодотворным делением, носящим критериологический характер, является оценка сил либо как *активных*, либо как *реактивных*.

Не идеи, не какие-то высокие или низменные цели и идеалы движут развитием государства и права; здесь разыгрываются «процессы возобладания», конкретное содержание которых зависит от активного или реактивного заряда господствующих сил. Право как нечто позитивное, с точки зрения Ницше, представляет собой *борьбу против реактивных сил* (бессмысленного бешенства ressentiment, мести, смертельной вражды и т.п.). Биологически более ценные «активные аффекты» — властолюбие, корыстолюбие и им подобные — становятся прародителями порядка и закона. Именно им, как полагает Ницше, мы обязаны

юридическим институтом «безличной оценки поступка», однозначно прогрессивным с точки зрения современной правовой мысли. Но даже самый «справедливый» порядок, устанавливаемый таким образом, не должен рассматриваться как прообраз вождя коммунистического строя, поскольку правовые установления потому и эффективны, потому и не идут в разрез с человеческой природой, что они воплощают в себе сложную борьбу комплексов власти, а не средство против всякой борьбы вообще¹⁰.

Закону по плечу установить то, что будет отныне считаться «правом» и «бесправием», императивно разъяснить границы дозволенного, но не в его силах противостоять несравненно более могущественной и всепроникающей «воли к власти». И если при первом приближении правовые ситуации выступают в качестве «частичных ограничений» воли к жизни, то на поверку они оказываются лишь «частными средствами», нацеленными на создание более значительных единиц власти¹¹.

В связи с вышеизложенным становится понятным благосклонное отношение Ницше к *войнам*: «Культура отнюдь не может обойтись без страстей, пороков и злобы»¹². Но вовсе не порок и злоба самоценны для Ницше, не удовольствие от страданий других проповедует немецкий философ. Риск, спокойная (в отличие от «нечистой») совесть, гордое равнодушие к своей собственной жизни и к жизни близких — вот те компоненты, которые способны с новой силой «привести во вращение механизмы духовной мастерской»¹³. А значит, если и не войны, то «суррогаты войны», лишь бы не дать человеку заснуть, почивать на лаврах культуры, которая тем временем медленно и неуклонно будет катиться к закату и собственной гибели. Война, понимаемая как соперничество, как борьба активных и реактивных сил, расставляет все по своим местам, «человек выходит из нее более сильным для добра и зла»¹⁴.

Позиция, которую занимает Ницше относительно войн, выдвигает на передний план более универсальную и значимую проблему, а именно — *проблему сочетания эволюционного и революционного развития общества*. Психологической основой права, согласно Ницше, является «традиционное психологическое чувство», т.е. то, что воспитывается в течение длительного периода времени. С этой точки зрения, правовые реформы находятся в непосредственной зависимости от изменений, которые претерпевает мировоззрение в его правовом аспекте или правовое самосознание. Поэтому, к примеру, на усвоение принципа,

согласно которому «правительство есть не что иное, как орган народа», потребуется, как полагает Ницше, «еще целое столетие»¹⁵. С другой стороны, радикальность войн может и не противоречить праву: при условии уже произошедших перемен психологического свойства война становится катализатором необходимого преобразования законодательной сферы.

Другим немаловажным элементом философии права Ницше является его учение о *государстве*. Если нигилизм вообще является провозвестником гибели человека, то разрыв между государством и церковью, обмирщение государства как плоть от плоти нигилистической эпохи в целом превосхищает *гибель государства*. Как пишет Ницше, «современная демократия есть историческая форма падения государства»¹⁶. Речь, однако, не идет и не может идти о предстоящей, пусть даже в отдаленном будущем, гибели права: как уже было отмечено, право является «прародителем» любого социума, а значит в принципе не зависит от государства как одной из форм социального общежития. Поэтому, также как на смену «последнему человеку» должен прийти «сверхчеловек», также на смену семье и государству придут иные институты и учреждения, иная правовая система¹⁷.

Скажем вкратце и еще об одном понятии, которого не избегает ни одна философия права, и которое играет существенную роль в учении Ницше. Речь идет о понятии «*справедливости*». Справедливость, для Ницше, это не уравнивание контрагентов, не априорное молчаливое признание их ни в чем не отличающихся фундаментальных прав, а «воздаяние и обмен при условии приблизительного равенства сил»¹⁸. Следует отметить, что равенство сил Ницше истолковывает расширительно — это не только *реальное* равенство, имеющихся в наличии возможностей, но и *представление* о таких возможностях (которое может и не соответствовать действительности). Отсюда и соответствующее уточнение, которое вносит Ницше в высказывание Спинозы из «Богословско-политического трактата»: не «каждый имеет право в меру значительности своей силы», а «каждый имеет право, сколь значительным кажется по своей силе»¹⁹. Это дополнение имеет первостепенное значение, поскольку дает теоретическое обоснование применения принципа справедливости не только в отношениях между равными, но также и в отношениях между сильными и слабыми. Любопытно, что Ницше допускает реальное воплощение также и традиционно понимаемой справедливости (как равенства прав, основанного на идее изначального

равенства всех людей). Такое воплощение справедливости в масштабах государства, как легко догадаться, в силах достичь и обеспечить лишь «благородные (хотя и не очень проникательные) представители господствующего класса»²⁰. Напротив, равенство прав, взыскиваемое представителями «угнетенной касты» никогда не приведет к справедливости, так как его источником будет служить алчность.

Особый интерес представляет собой панорама *основных разновидностей права*, которую Ницше схематично обрисовал в своей книге «Человеческое, слишком человеческое»²¹. Во-первых, это право «полнее всего продуманное», рационализированное (его образцом служит римское право)²². Во-вторых, это право обычное или традиционное, обладающее тем преимуществом, что оно является доступным и понятным не только для юристов-профессионалов, но и для средних граждан²³. Наконец, в-третьих, речь идет о «произвольном праве», которое, благодаря своей гибкости, может быть названо «беспартийным». Такое право приказывает и вынуждает, избегая логику рационального обоснования или опоры на узаконенные веками обычаи²⁴. Человек эпохи нигилизма, помимо прочего, характеризуется Ницше как лишенный «традиционного правового чувства». Именно в этих условиях «произвольное право» становится наиболее приемлемой альтернативой праву, основанному на авторитете (будь то разума или традиции).

Неоценимая заслуга Ницше состоит не в приговоре Европе, которой и без того мысль о собственном закате уже не казалась ни абсурдной, ни преждевременной. Ницше, по всей видимости, первому удалось выработать *новую методологическую установку*, при помощи которой культурные феномены можно оценивать, прогнозировать и даже до некоторой степени изменять их развитие. Переоценка сущности социальных институтов и учреждений, включая государство и право, посредством выдвижения на первый план их движущей пружины — воли к власти, — может произвести впечатление умело завуалированной банальности. Однако именно эта идея доказала свою плодотворность, как в разработках самого Ницше, так и его последователей.

Сошлюсь на Мишеля Фуко, который, как известно, всегда признавал тот факт, что на его творчество большое влияние оказал Ф. Ницше. В его произведениях мы находим одно из наиболее тонких и глубоко продуманных учений о власти второй половины 20 века. С точки зрения Фуко, вся предшествующая аналитика власти использовала в качестве модели право. Фуко на

зывает подобное представление о власти «юридически-дискурсивным» и полагает его явно недостаточным, искажающим реальную картину исторических событий. «Вот уже несколько веков, как мы вступили в такой тип общества, где юридическое все меньше и меньше может кодировать власть или служить для нее системой представления»²⁵.

Очевидно, что рассуждения о государстве, праве, морали и для самого Ницше не были самоцелью — исследование любого предмета неизбежно приводило к власти или борению сил как изначальной создающей и организующей инстанции. Фуко развивает мысль Ницше применительно к современности, его цель — «дешифровать механизмы власти, исходя из стратегии, имманентной отношениям силы»²⁶. Это означает отказ от косвенного пути: обращение к власти не через голову «суверена» и «права», а напрямую. По всей видимости, Ницше считал такой путь непродуктивным, поскольку усматривал непосредственную зависимость между «волей к власти» как таковой и ее предметными или институциональными проявлениями. Появление новой аналитики власти, предложенной Фуко, можно объяснить историческими мутациями, которая претерпела власть, и которые остались за пределами размышлений немецкого философа, в том числе и чисто гипотетического характера. Ницше не сумел предвидеть постепенно набирающий силу процесс *дисперсии власти*, когда ее активность перемещается из центра²⁷ на периферию. В аналитике власти Фуко, таким образом, происходит лишь смена поля деятельности, но не смена метода. Если ранее субъектом или формой, своеобразным земным представителем «воли к власти» служили государственные учреждения и законодательные акты, то теперь ту же роль взяли на себя разнородные и многофункциональные социальные системы, лишенные устойчивой формы и подверженные довольно регулярным изменениям.

Ради справедливости, следует заметить, что, несмотря на аргументацию Фуко, точка зрения Ницше, согласно которой общество, лишенное государства, все же будет обладать правом, не лишена основания и имеет сегодня своих сторонников. Изменяясь до неузнаваемости, право сохраняет свое значение, остается незаменимым механизмом по регулированию самых разнообразных отношений внутри социума. Конечно, прогнозы Ницше относительно правовой сферы и теперь еще нельзя считать вполне воплотившимися, но сегодня от них уже нельзя отмахнуться, и те, кто отказываются воспринимать их всерьез, страдают, если можно так выразиться, исторической близорукостью».

Примечания

- ¹ Вовсе не случайно свою книгу об эволюции морали Ницше называет именно «генеалогией», а не «историей». Генеалогия, в отличие от истории, отсылает к моменту рождения искомого феномена в силовом поле как стратегически наиболее приемлемого или полезного. Феномен (будь то мораль или право) продолжает свою жизнь до тех пор, пока его существование поддерживается соответствующей расстановкой сил, он изменяется вместе с ней и, наконец, прекращает свое существование, когда выступившие на сцену новые силы более в нем не нуждаются, а старые уже неспособны его сохранять. Разочарование в идеалах, безверие — классические симптомы смены культурной парадигмы.
- ² В неокантианских, психологических, феноменологических концепциях права исследование нормативной природы права неизменно приводило к постановке вопроса о соотношении права и нравственности. Русская философия права 19 — нач. 20 века рассматривает нравственность как единственную подлинную основу права как такового. Следует, однако, иметь в виду, что в своем стремлении утвердить самостоятельность права по отношению к морали Ницше не был одинок. Достаточно вспомнить юридический социализм и позитивизм, в которых нравственный аспект правовых установлений был более или менее успешно элиминирован. Более того, первые шаги в данном направлении были сделаны уже представителями естественного права, которые усматривали основополагающую функцию права не в осуществлении нравственного идеала, а в осуществлении первоначально присущих человеку прав — на жизнь, свободу и собственность (Г.Троций, Дж.Локк).
- ³ *Ницше Ф.* К генеалогии морали // *Ницше Ф.* Сочинения в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 442.
- ⁴ *Ницше Ф.* К генеалогии морали. С. 445.
- ⁵ Сам Ницше вспоминает в связи с этим Законы XII таблиц (памятник римского права середины 4 века д.н.э.). 6 пункт Таблицы III содержит следующее предписание: «В третий базарный день пусть разрубят должника на части. Если отсекут больше или меньше, то пусть это не будет вменено им в вину».
- ⁶ *Ницше Ф.* К генеалогии морали. С. 445.
- ⁷ Иными словами, задача Ницше заключается не в том, чтобы уничтожить или развенчать ценности как таковые, а в том, чтобы снять ореол с псевдоценностей — тех, которые либо никогда не были связаны с «жизнью», либо безвозвратно утратили эту связь. Заметим, что против морали, понимаемой как догма, выступили многие известные философы 20 века. Наиболее ярким был, конечно, бунт экзистенциалистов, но и для многих других дилемма добро-зло перестала быть сколько-нибудь однозначной. Позиция Ницше по данному вопросу перекликается также с позицией Кьеркегора, который отказывался рассматривать общественную мораль в качестве божественного установления.
- ⁸ *Ницше Ф.* К генеалогии морали. С. 450.
- ⁹ Там же. С. 451.
- ¹⁰ Там же. С. 454.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое // *Ницше Ф.* Сочинения в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 450.
- ¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 433.

¹⁵ Там же. С. 435.

¹⁶ Там же. С. 445.

¹⁷ Оптимизму Ницше можно только позавидовать, но, наверное, нелишней была бы также и попытка его понять. В качестве первого шага к такому пониманию достаточно обратиться к Фуко, у которого национальное суверенное государство полностью поглощается локальными и сквозными механизмами, образующими в своей совокупности так называемую «аналитику власти». Новые способы правового регулирования Фуко оставляет без внимания, что, на мой взгляд, совершенно неоправданно. Идеи Ницше, в этом смысле, с точки зрения современной философии права, оказываются не только более прогрессивными, но и по-настоящему актуальными.

¹⁸ *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое. С. 287.

¹⁹ Там же. С. 288.

²⁰ Там же. С. 435–436.

²¹ Там же. С. 439.

²² В современной правовой терминологии данное понимание права следовало бы назвать «юридическим позитивизмом». Это течение получило распространение с середины 19 века, а в 20 веке было взято на вооружение представителями аналитической философии, для которых проблемы права стали одним из основных предметов исследования (Дж.Остин, Х.Кельзен, Х.Л.А.Харт и др.). Позитивистски истолкованное право представляет собой свод правил (норм), санкционированный государством. Его систематичность или логическое единство служат гарантией справедливости, а апелляции к морали или традиции воспринимаются обыкновенно как внешние и грозящие подорвать существующее равновесие.

²³ Речь, несомненно, идет об *исторической школе* права. Историческая школа родилась в Германии и просуществовала со второй половины 18 века до середины 19 века. Свое содержание, а также взаимоотношения с моралью и политикой, право должно строить в согласии с национальным характером, культурой и традициями народа, которому оно принадлежит.

²⁴ Замечу, что идея произвольности в отношении права лишь на первый взгляд может показаться чем-то кощунственным, пренебрегающим одновременно и разумом и вековой мудростью. Современное понимание права как деятельности, как постоянно возобновляемой процедуры, результата которой не способны детерминировать или предвосхитить никакие законодательные предписания, уже содержит в себе элемент произвольности. Компромиссная дефиниция права в «интегрированной юриспруденции» Дж.Бермана также делает акцент на легитимизации правотворчества или не имеющих сколь-нибудь достаточного обоснования правовых актов, решений и действий: «Право вполне можно определить как поддержание равновесия между справедливостью и порядком в свете опыта» (См.: *Берман Дж.* Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999. С. 349).

²⁵ *Фуко М.* Воля к знанию // Воля к истине. М., 1996. С. 189–190.

²⁶ Там же. С. 198.

²⁷ То есть тех учреждений, у которых имеется не только юридический адрес, но и в большей или меньшей степени доступный контингент должностных лиц; тех законов, постановлений и инструкций, которым не только должно подчиняться, но которые также можно и обсуждать, анализировать.